

Юмористическая проза

КОЛЛЕКТИВНЫЙ Сборник

ШУТИТЬ ИЗВОЛИТЕ?

Fabulae дебют!

**Коллектив авторов
Александр Русанов
Шутить изволите?
Юмористическая проза.
Коллективный сборник**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21579023
ISBN 9785448321122*

Аннотация

Вам грустно? Откройте эту книгу и начните читать, и настроение сразу улучшится. У вас и так хорошее настроение? Тогда тем более почитайте. Смеха не бывает много. Запаситесь положительными эмоциями впрок, и пусть хорошее настроение не покидает вас никогда.

Содержание

Список авторов	5
Предисловие	6
Алёна Аворус	8
Нога	8
Сток	13
Укус	17
Шапка	19
Яблоки	24
Алина Бестужева	28
Машина времени для «писак», или «Да Винчи» сия Руси	28
Андрей Кудряшов	39
Слесарь и Гинеколог	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Шутить изволите?
Юмористическая проза.
Коллективный сборник

Составитель Александр Русанов

ISBN 978-5-4483-2112-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Список авторов

Алёна Аворус

Алина Бестужева

Андрей Кудряшов

Борис Журавский

Вадим Тимошин

Владимир Серов

Владислав Александрович Диаров

Джон Ник

Дмитрий Коробков

Илона Соболева

Катя Иванова

Марта Матвеева

Нина Атучина

Ольга Колтунова

Ольга Черниенко

Светлана Казаринова

Светлана Лобова

Татьяна Лаин

Тиана Каракада́

Предисловие

от составителя сборника

Как охарактеризовать юмористический рассказ?

На мой взгляд, юмор нельзя препарировать, извлечь его составляющие, разложить на молекулы и атомы.

Это или смешно, или нет.

Но... здесь есть небольшой нюанс: наличие у читающего чувства юмора. А как вы хотели? Без этого чувства даже «Камеди Клуб» смотреть бесполезно! А КВН и подавно. Ну, может быть, «Ералаш» будет вам по вкусу.

Думаете, стоит рискнуть? И всё прекрасно получится? И вы рассмеётесь: сначала потихоньку, чтобы не травмировать окружающих; потом чуть громче, сопровождая свой смех комментариями типа: «Ну, даёт!».

А потом рассмеётесь в голос, уже ни на кого не обращая внимания.

«Это реально смешно!» – воскликните вы. Затем, прихватив книгу, побежите в комнату, где жена смотрит триста сорок восьмую серию, с трудом оторвёте её от телевизора и зачитаете особо понравившиеся места.

И вот уже вы вдвоём хохочете наперегонки, отыскивая в тексте всё новые приколы и шутки, совершенно позабыв про сериал и барахлящий мотор любимой иномарки...

Эх, как же мне нравится эта картинка!

А вам?

Значит, полдела сделано, осталось только прочитывать этот сборник. Ведь рассказы в нём реально смешные!

Алёна Аворус

Нога

Мы с друзьями после зачёта планировали славно провести время. Так что я была заранее при полном параде: высокие каблуки, короткая юбка, обтягивающая кофточка...

Вдруг в перерыве подходит ко мне преподавательница:

– Ты же отличница, зачет автоматом, выручи. Не в службу в дружбу, отвезти документы, очень срочно нужно их передать.

Раз зачет автоматом, я взяла папку и поехала. Отвезла документы, захожу в метро. Иду, каблуками цок-цок. Краем глаза вижу, что дежурный милиционер так на меня уставился, просто глаз не сводит. Симпатичный, между прочим, молодой совсем.

И тут у меня каблук сам собой подворачивается, и я на ступеньках:

– Хлоп!

А дальше все закрутилось как во сне... Женщина рядом со мной вдруг истошно так закричала:

– Помогите, помогите, девушка упала, ногу повредила!

Я даже сама не успела понять, что у меня с ногой, как тут же метнулся ко мне этот симпатичный дежурный, на ру-

ки подхватил и в медпункт понес.

На стул посадил, а сам с левой ноги босоножку снял, осторожно так ощупывает щиколотку и спрашивает:

– Больно, здесь больно?

Медсестра меня за руку держит и приговаривает:

– Потерпи, девонька, потерпи.

Ничего не понимаю, причем тут левая нога, я же подвернула-то правую:

– Нет, не больно!

Медсестра опрометью бросается к телефону:

– Скорая, срочно! Медпункт станции такой-то. Девушка лет двадцати. Падение с лестницы, подозрение на перелом. В шоке, боли не чувствует.

А я смотрю на свои колени и вижу, что мои новые, дорогие, первый раз надетые колготки порваны в пух и прах... И так мне их жалко стало, что аж слезы на глазах выступили... Дежурный это заметил, бросился за водой. Принес мне стакан и таблетки какие-то. Пока я от этих таблеток отбивалась, скорая подлетела, пяти минут не прошло...

И дальше страшный сон продолжается. Я спрашиваю:

– Может я уже пойду, вроде все прошло?

И встаю. Совершенно забыв, что левую босоножку-то мой «спаситель» снял... Каблуки у меня были сантиметров десять, не меньше.

Конечно же, я падаю. Прямо на руки санитаря и врача «скорой». Они переглядываются:

– Всё ясно, шок!

И санитар бежит за носилками. А в вестибюле уже толпа собралась. Женщина та, что кричала, в который раз в подробностях пересказывает:

– Шла она такая нарядная, да как с лестницы бах, и нога как хрясть, а он её на руки и в медпункт...

Меня уже никто не слушает. Колют укол, кладут на носилки и выносят. Народ удовлетворенно расходится:

– Все хорошо, скорая подроспела, пострадавшая в надежных руках!

Я понимаю, что дело плохо. Снова прошу меня отпустить:

– Это все недоразумение.

– Наше дело доставить, сами там разбирайтесь!

И больница оказалась рядом как назло – раз, и приехали.

Кошмар продолжается. После укола у меня пред глазами туман, губы не слушаются, язык онемел. Ни чего сказать я не могу, лепечу что-то бессвязное. Тем временем меня везут в приемный покой. Осматривают ногу, видят, что перелома нет. Но отпускать не хотят, скорая же привезла:

– Смещения какие-то подозрительные в колене, нужно наложить фиксирующий гипс на всю ногу.

Вот так я вместо дискотеки оказалась в больнице с гипсом на здоровой ноге...

Кожа у меня нежная, очень чувствительная. К ночи гипс высох и стал ужасно колотиться, и чем дальше, тем хуже... Со всем нестерпимо стало. Нога под гипсом чешется, хоть вол-

ком вой. Чувствую, если я от этого гипса не избавлюсь, то к утру с ума сойду...

Фиксирующий – это такой неполный гипс. Спереди вроде бы гипс, а сзади – только бинты. И вот я стала потихоньку эти бинты растягивать и расслаблять. Тянула, тянула и к середине ночи этот гипс стащила. Какое было облегчение! Спрятала я слепок своей ноги под одеялом у стены, и счастливая уснула.

Дальше все было как в заправском водевиле. Утром меня разбудил обход. Зашел новый врач, не тот, что меня принимал. Не отрываясь от своего журнала, протянул руку:

– Ногу!

Я высунула из-под одеяла ногу. Он, не глядя, потрогал ее, и уже раздражаясь:

– Да не эту, другую!

Я подала другую. Тут он оторвался, наконец, от своего журнала и посмотрел на меня:

– А где же?

– А вот же!

Я откинула одеяло. Его взорам предстало три ноги – две мои и третья, у стенки – гипсовая.

– Симулянтка! Вон! Немедленно выписать!

Давно я не видела, чтобы люди так багровели. Выдали мои вещички и за дверь выставили... Так и пришлось мне ехать через весь город в рваных колготках.

Вот как строить глазки симпатичным парням при испол-

нении! Не успеешь оглянуться, как с гипсом на здоровой ноге окажешься...

СТОГ

Магнитофон у меня был очень удобный. Тонкий и плоский. Мой друг Колька так к нему привязался, что не расставался с ним вообще. Носил магнитофон на плече и слушал целый день, прислонив ухо к динамику.

По вечерам мы ходили жечь костер на берег Волги. У нас было несколько любимых мест, и одно из них: на берегу ручья, под орешником. Всем оно было хорошо, кроме одного: днём как раз по этому лугу гоняли на водопой деревенское стадо.

Гуляли мы обычно долго, чуть ли не до утра. А Колька был соня. То ли он всегда не высыпался, то ли просто был «жаворонок», но только часов в десять он уже начинал «клевать носом». Но домой идти не хотел, пока все гуляют. Поэтому Колька обычно ложился на свой ватник где-нибудь возле костра, клал под ухо магнитофон вместо подушки и дремал так под музыку... Когда же начинало холодать, он, не открывая глаз, просто подползал поближе к костру.

Сидели мы как-то под орешником. Колька как всегда поболтал со всеми немного, и спать улёгся с магнитофоном. Уже был август, ночи стали холодные. Прошло совсем немного времени, Колька замёрз и стал переползать к огню. И вдруг как вскочит, как начнет что-то стряхивать. И запах такой пошёл... Сразу стало ясно, что Колька заполз в коро-

вью «лепешку».

Несколько дней я отмывала лосьоном «Розовая вода» свой любимый магнитофон. Затачивала спички и прочищала все щели и отверстия. После такого я решила:

– Всё, вечером магнитофон оставляю дома!

Колька был в печали, но я была непреклонна.

А потом неожиданно приехали Колькина двоюродная сестра с подругой. И с магнитофоном. Магнитофон у неё был старый, без ручки. Вместо ручки сестра сплела красивый ремешок из ленты. Получился магнитофон с длинной ручкой, как сумка через плечо.

Колька, конечно, стал его выпрашивать, долго они торговались, но магнитофон сестра так и не давала. Наконец, в последний день перед их отъездом, уговорил Колька сестру:

– Ну, хоть на один на вечер разрешить взять магнитофон!!!

Разрешить-то она разрешила, только с «нагрузкой»:

– Ладно, бери уж. Но только с условием! С вами пойдёт вечером гулять моя подруга.

Сестриной подруге посиделки наши сразу не понравились.

– Что вы тут сидите у костра, как пионеры. Пойдёмте, заберёмся на сено!

Как раз за деревней на поле стоял огромный стог. Его только что колхозники сметали из маленьких стожков и накрыли сверху соломой.

Долго все отнекивались, но всё-таки она уговорила забраться на этот стог.

– Мы всегда так делаем, когда гуляем в нашей деревне!

– А, так ты тоже летом в деревню ездешь. А твоя деревня где?

– Под Питером.

Сток оказался огромным. Пока мы туда лезли, столько было смеха! Каждый по несколько раз упал, пока все на стог не вскарабкались. На сене, конечно, было хорошо. Тепло и высоко, небо деревья не загораживали. Можно было улечься на спину и разглядывать звезды. В августе бывают такие звёзды, все небо усыпано – глаз не оторвать.

Я ходила в школе в кружок астрономии, знала много созвездий. Пока мы их рассматривали и выискивали на небе, у Кольки с подругой началась какая-то возня. Они переругивались, и вдруг съехали со стога на огромном пласте сена и скрылись из виду.

Со стога их стало не видно, а до нас снизу доносился такой диалог:

– Да осторожней ты, колготки порвешь.

– Тут темно, не видно ничего.

– Да что ты все мимо и мимо, ты крепче держи.

– Что я виноват, что не лезет.

– Ну что ты за олух такой, то мимо, то не лезет.

– Сама ногой дрыгаешь, а я олух.

– Ну, наконец-то! Осторожней, осторожней, а то выско-

чит.

– Всё. Уф, наконец-то!

– Первый и последний раз с тобой я связалась...

Забираются на стог Колька с этой подругой и удивляются:

– А что это вы все ржёте-то?

– Что вы там делали?

– Да мы отнимали друг у друга магнитофон и оторвали от него ручку! Пока дрались за магнитофон и со стога грохнулись! Хотели обратно её привязать, а под стогом темно. Ещё и кусок ленты оторвался, закрепить никак не могли...

На следующее утро выспаться нам не дали. Прибежала бригадир и давай бегать по дворам:

– Берите быстро грабли, вилы! Идите сено сгребать! Ночью весь стог развалили, хулиганы!

Полдня мы этот стог собирали. А подруге этой хоть бы хны – она уже тем временем на поезде домой ехала.

Укус

Наверное, многие в своей жизни, так или иначе, встречали сумасшедших. Но было время, когда мне они попадались с поразительной частотой...

Летом я ехала с экзамена. В вагоне метро было свободно, в проходах никто не стоял. На мне была довольно скромная юбка до колена, я сидела и читала книжку. Сажу спокойно, читаю, и вдруг передо мной останавливается какой-то тип. На вид нормальный мужчина, лет сорока, ничего особо выдающегося. Смотрит он на меня и вдруг говорит:

– Какие ножки! Так и хочется съесть!

Молниеносно падает на колени, хватает мою левую ногу и впивается зубами в икру. Я визжу во весь голос от неожиданности, боли и ужаса. А все как начнут хохотать! Наверно и правда, было смешно. Но мне было не до смеха: я его отталкивала, лупила по голове книжкой, второй ногой отпихивала, а он только зубы сжимал. Тут народ опомнился, несколько мужчин подскочили, стали этого сумасшедшего оттаскивать. А он зубы не разжимает:

– Прямо питбуль какой-то!

Хорошо, кто-то догадался:

– Нос, нос ему зажмите, сразу отпустит!

Только так его и оторвали. А то бы до крови ногу прокусил!

Вытолкали его на следующей остановке из вагона, повели милиции сдавать. Что там дальше было, осталось мне неизвестно. Надеюсь, в конце концов, безумца передали санитарам. На ноге у меня образовался огромный синяк, ещё несколько месяцев его было видно. Даже когда синева основная прошла, след от укуса бросался в глаза. Так на всю жизнь и остались у меня на ноге отметки зубов. С самого детства у меня душа к юбкам не лежала, и видимо не зря. В брюках оно как-то надёжнее будет...

Шапка

Мама очень переживала, что я хожу в вязанной осенней шапочке:

– Простудишь уши!

Почему-то чаще всего мама ездила в командировки именно зимой. Вот и тогда она летала в Якутию. Вернулась оттуда с обмороженным носом, но загадочно-счастливая. Мама начала разбирать вещи и достала из сумки шкурку голубого песка. Мы все так и ахнули.

– Это подарок. Сошьём тебе меховую шапку!

И рассказала нам такую историю:

– В последний день перед отъездом пошла я на рынок, хотела купить кедровых орешков тебе. Я же знаю, ты их с детства очень любишь. Искала, искала – нет орешков. И вдруг как из-под земли появился предо мной человек, по всему видно: охотник. Как с картинки: унты, меховые рукавицы, шапка. И шкурку мне показывает: я знаю, тебе надо; бери, не пожалеешь; настоящая дикая полярная лиса, не песец со зверофермы! И цену называет как раз, сколько у меня с собой денег было. По московским ценам, так просто даром... Я взяла шкурку, а охотник исчез, как будто его и не было. Через знакомых мама узнала адрес шляпной мастерицы. Боялась, что в ателье могут мех испортить. Приехали мы к ней домой со шкуркой. Она как увидела нашего

песца, только и повторяла:

– Роскошный мех, роскошный!

И сшила мне очень модную в то время шапку «шарик». Как только я новую шапку примерила, они обе с мамой заахали:

– Ах, как идет! Ах, как хорошо!

Моя бабушка всё время волновалась за сохранность шапки. Боялась, что её на улице кто-то сорвёт. Уж очень шапка была красивая и дорого выглядела. Думала бабушка, думала и сварганила защиту от воров. У бабушки была целая коробочка всяких приспособлений дореволюционных. Ей ещё от её мамы досталась. Пуговицы, крючочки, замочки, цепочки для вешалок.

И вот она пришила мне к пальто вешалку: цепочку с хитрым замком, а на шапку петельку. Когда пальто снимаешь, цепочку как вешалку используешь. А на улице можно было к ней шапку пристегнуть. Сзади мех воротника и шапки соприкасался, под ним цепочку не видно. Я всегда шарфом горло укутывала, она и не мешала. Гуляли мы как-то вечером с Оксаной вдоль высоковольтной линии. Зима, уже темно совсем. И вдруг Оксана вспомнила, что ей в магазин нужно. А к остановке как раз через высоковольтную линию тропинка наискосок шла. На улицах фонари, а под линией сумрак, только снег белеет.

Идем мы по тропинке быстрым шагом:

– Скорее, скорее бы темноту проскочить, и к остановке

выйти!

А за нами мужик какой-то. Тоже почти бежит. Оксана говорит:

– А вдруг он за нами? Бежим!

Мы как помчались! Мужик тоже на бег трусой перешел. Торопливо так бежит, нас догоняет. И вдруг Оксана как поскользнётся! Кто-то раскатал по всей тропинке огромную полосу льда. Снегом лёд занесло, было не видно. Я на неё налетела и тоже упала. И мы ещё с размаху немного по льду проехались вперед. Спереди лёд, под нами лёд, сзади лёд. Мы карабкаемся – и ни с места.

– Как коровы на льду!!!

Как назло, еще и смех пробрал. Хохочем, ногами и руками сучим, встать не можем. Про мужика совсем забыли. А он из темноты выскочил и на нас сверху с разбегу грохнулся.

Мы еще по льду все проехались, и Оксана руками твердую тропинку нащупала. Подтянулась, встала, меня за руку тащит:

– Вставай быстрее!

А мужик сам поднялся, но не удержался и снова стал падать. За мой воротник сзади схватился. Тут я услышала, как что-то хрустнуло. Сразу почувствовала: шапки нет.

Я руку назад закинула, схватила шапку. Оксана как раз меня на тропинку вытащила. Мы увидели, что автобус подъезжает к остановке:

– Бежим, ещё успеем!

Мы побежали на всей скорости. Шапку некогда было надевать, я бежала стремглав.

А мужик выкарабкался и за нами погнался. На бегу матерился, кричал что-то. Я подумала:

– Вот гад! Мне сам воротник чуть не оторвал, ещё нас же и материт!

Вскочили мы в автобус, а мужик не успел. Побежал за автобусом, кулаками размахивая. Видимо торопился куда-то сильно.

Оксана на меня посмотрела, вдруг пополам согнулась, и икать от смеха начала.

– Ты что? Что за припадок?

Она даже сказать ничего не могла, только на шапку показывала. Посмотрела я на шапку, и тоже пополам согнулась...

Еле-еле от смеха мы отдышались, побежали к водителю, чтобы притормозил. Хорошо не далеко уехали. Мужик быстро автобус догнал.

Мы в заднюю дверь его шапку выбросили. Водитель двери захлопнул и поехал. Мы водителю прокричали:

– Спасибо!!!

А то уж больно мужик на меня злой был...

С тех пор я петельку от шапки отпорол и цепочку больше не пристегивала. Бабушке же объяснила:

– Сейчас не те времена. Шапки с головы на улице не срываю.

Оксане не утерпела, всей школе раззвонила, как я мужика

в темноте грабила. И пошла гулять эта история по району...

Когда я читаю в интернете похожие анекдоты про шапку, мне всегда интересно:

– Это моя история в анекдот превратилась или в те времена много таких случалось?

Яблоки

В нашей деревне яблони всегда росли плохо, слишком для них северная местность. Вымерзали в холодные зимы. Мало кто из местных их брался выращивать.

Таких смелых садоводов было двое на всю деревню. У остальных же в огородах рос дичок, выкопанный в лесу. Плоды у него были мелкие и кислые, но зато мороза не боялись. А настоящие сортовые яблоки, сладкие и вкусные, вызревали только у Павкиного деда.

Дед этот был крайне таинственный и загадочный, овеянный легендами. Говорили, что он раньше занимал какой-то высокий пост, потом сидел в лагерях, и ему запретили селиться к Москве ближе, чем на сто километров. Вот он и осел в Ярославской области, в деревне развел хозяйство. Яблони, вишни, груши, целый невиданный сад, и даже пчёл держал для опыления.

Среди местных парней было много желающих поесть сладких яблок. Против таких грабителей у Павкиного деда была целая система. На чердаке был организован сторожевой пост. Как только в огороде раздавался подозрительный шум, из чердачного окна мощный прожектор заливал весь огород светом. А вслед за прожектором высывался и хозяин огорода с ружьём, и палил солью в незваных гостей.

Метил всегда в мягкое место. Истории эти повторялись

из года в год. Парни лезли за яблоками, кто-то из них получал заряд соли в зад. Потом товарищи отмачивали пострадавшего в бочке, он орал на всю деревню.

В нашей компании Павкиного деда уважали и побаивались, никому даже мысли не приходило к нему за яблоками лезть. Тем более что Пашка и сам часто гулял с нами, хотя и был старше.

Все знали, что у них была в прошлом году любовь с Олей. Да такая любовь, что он её на руках из кино носил в прямом смысле этого слова.

А в этом году приехали – как будто они и не знакомы. Поссорились зимой, друг на друга обиделись. Пашка с нами гуляет, Оля со своей сестрой младшей вечером у дома сидит. Сходит в кино – и домой, гулять не выходит.

Вечером мы были в кино. А там Паша подсел в темноте к Оле, заговорил с ней. Она ему что-то такое резкое ответила. Паша бегом из кино выбежал, только дверь хлопнула.

Пошли мы костёр жечь, а Оля с сестрой тоже с нами направились. Сели мы, костёр развели. Оля вдруг сказала:

– Очень я хочу Пашке отомстить. Помогите мне. Давайте залезем к ним в огород, и яблоки оборвём. Я этот огород весь как пять пальцев знаю, сколько раз меня Павка водил. Всё вам покажу, все тропинки, все яблони, дед не проснется. Только нужно маленькими группками ходить, не всем табуном.

Первым в мстители Андрюшка вызвался. Ушли они

с Олей. Мы сидим, прислушиваемся: тихо. Никто не стреляет, прожектор не зажигается...

Через некоторое время появляются они, такие радостные. Полные руки и карманы яблок! Яблоки огромные, сочные, аромат от них такой, что голова кружится. Быстро все яблоки исчезли.

Тут и другие мстители нашлись. Водила, водила Оля всех по очереди в Павкин огород, видимо надоело ей это:

– Всё, я устала. Посижу у костра. Если ещё яблок захотите, идите сами.

А сама доела яблоко, и нос морщит:

– Что-то яблоки у нас закончились, сходите кто-нибудь!

Колька вскочил:

– Кто со мной за яблоками?

Все друг на друга смотрят, а без Оли идти не решаются.

Оля ехидно так:

– А ты Колька возьми подругу твою, Алёну. Все уже ходили за яблоками, она одна тут сидит как кисейная барышня!

Я даже от злости подпрыгнула, услышав про «кисейную барышню». Вскочила, и пошли мы с Колькой Пашкин огород грабить.

Колька открыл калитку, мы прокрались и сели под яблоней. Яблони ещё не высокие, мы сидим на корточках, руками с нижних веток яблоки рвём. Тихо так руку просунем, нащупаем яблоко и дёрнем. Павкиному деду на чердаке совершенно ничего не слышно, как будто ветер шумит.

Набили мы полные карманы яблок. Колька маленький пакет с собой взял, в него тоже яблок нарвали.

Стали осторожно пробираться к выходу в темноте. И тут я шшибла какое-то ведро, оно как загремело! Такой шум поднялся, тут же на чердаке свет зажёгся.

Колька помчался по огороду, крикнул мне:

– Виляй, виляй!

Бегу за ним, виляю. Колька первый в тень за забор выскочил. Оглянулся на меня, схватился за живот и в траву упал. Лежит и от смеха стонет. Даже пакет с яблоками выронил.

Я тоже выбежала, ничего не понимаю:

– Что ты ржёшь? Меня чуть не подстрелили солью, а тебе смешно. Тоже мне друг!

Колька отдышался и спрашивает:

– Я что тебе кричал?

– Виляй, виляй! Что же ещё.

– Правильно! Но только я тебе кричал, между грядками виляй, по огороду, а не задом!

Долго потом ещё Колька у костра показывал, как я бегала по Павкиному огороду, виляя задом, чтобы дед его в меня солью не попал...

Алина Бестужева

Машина времени для «писак», или «Да Винчи» сия Руси

Мне кажется, я так и не понял, чем было «происшествие», так поразившее меня в прошлый четверг, – научным экспериментом или иллюзией. Дело в том, что друг, к которому я направлялся сегодня, был уж очень умен, в сравнении со всеми нами. Вот коли бы этот «фокус» с исчезновением пепельницы устроил какой-нибудь студентишка из Академии, я и не усомнился бы в истинности произошедшего. А тут... Вдруг он пошутил надо мной?...

Я поднялся в знакомые комнаты и не успел оглянуться, как на шею мне кинулся «непредвиденный» в данном доме Райзер.

– О, Димитрий Виноградов! Я так скучал по тебе и Петербургу! Ну и по всем остальным тоже. Что случилось? Месяц назад я получил письмо от нашего «да Винчи» с просьбой срочно приехать именно сегодня – 16 декабря 1749 года! А ведь я должен был закончить этот чертов Уткинский завод в этом чертовом Висимо-Уткинске!

– Густав, как же рад тебя видеть! – воскликнул я в ответ,

пытаясь отодрать от своей груди не в меру приветливого покорителя уральских сел.

– Без меня Висимо-Уткинск встанет! Никто не хочет брать руководство строительством на себя!

– Не беспокойтесь, мой друг. На Урале и не такое бывало, – вальяжной походкой к нам подошел Якоб Штелин. На самом деле, я знал «царского библиотекаря» только по рассказам «да Винчи» – все-таки между нами с десятков годов разницы, да и положением теперь разнимся.

Но где же человек, ради которого мы собрались? Заметив на полу никому не нужный номер «Санкт-Петербургских ведомостей» я с интересом поднял его. Поверх статьи была надпись.

– Друзья, кажется, мы пропустили записку! Здесь значит: «Садитесь за стол, жена принесет хорошего вина!»

В тот же момент, как я произнес это, дверь в глубине гостиной приоткрылась.

– Садитесь, пожалуйста! Муж скоро придет, – Елизавета подошла к столу и поставила большую бутылку красного. Нимало не смутившись наших прилипших к ее платью взглядов, обрусевшая немка достала стаканы и удалилась. В дверь постучали.

– Неужели он! – воскликнул переволновавшийся Густав Ульрих Райзер. Наверное, ему не терпелось вернуться к своим заводам.

Это был не он. Вернее он, но не тот он, которого мы жда-

ли.

– Граф Разумовский, – представился мужчина, – Я пришел повидаться с...

– Знаем-знаем. Мы тоже к нему-с, – перебил графа «царский библиотекарь».

Делать было нечего, мы сели за стол. С вином как-то лучше ждалось. Не успели мы выпить и по стакану, как из дверей буквально вывалился хозяин крепкого напитка. Нет, он не был пьян, с ним было что-то другое. Все разом вскочили.

– Все нормально. Я просто долго бежал, – успокоил нас «да Винчи», пытаюсь отдышаться.

– Простите, мой друг, но это не объясняет наличие белого... хм... мешка на вас и отсутствия обуви, – заинтересовался обликом прибежавшего Якоб Штелин.

– Это не мешок, это медицинский халат. Подождите минутку, мои друзья, и я все вам объясню!

Обеспокоив нас загадочной фразой, он убежал переодеваться. Вернувшись, сел на стул, плеснул себе красного и, попросив не перебивать, начал свой рассказ. Это был наш студенческий друг и «да Винчи» сия Руси – Михайло Ломоносов.

Все началось очень давно, еще до знакомства с моей замечательной супругой... Тогда я, вы, Дмитрий, и вы, Густав,

учились в Марбурге. Да-да, я не только вместе с вами, мои дорогие друзья, безбожно пропивал выделенные Академией 300 рублей, влезал в долги и предавался плотским уладам. О, нет! Я жаждал знаний больше, чем нежных лобзаний! Именно тогда я начал разработку своего величайшего изобретения!

Помните, Дмитрий, в прошлый четверг я продемонстрировал исчезновение пепельницы? Я обманул вас. О, она не исчезла! Пепельница переместилась во времени. Вы можете усмехаться, Якоб, но это так, и я вам докажу!

Эксперимент с пепельницей был испытанием моей разработки. Сегодня, за час до вашего прихода, я сам переместился. Не стоит вскакивать, Густав. Переместился я весь, а не умом. Достаньте ваше письмо. Я отправил вам его из прошлого, посмотрите печати! Прошрое было моей первой точкой назначения. Тогда я не умел настраивать машину точно. Так что оказался в этот же час, день и месяц и, почему-то, в Москве. На дворе был 1702 год...

16 декабря 1702 года я очутился в тогдашней столице. Правил, к слову, Петр I. Я был поражен тому, что моя задумка осуществилась! Я так удивился, что стоял на месте и не мог двинуться. Но хозяйка лавочки, в которую меня занесло изобретение, громко закричала, увидев мое востор-

женное лицо. Не знаю, что ее больше напугало: то, что я оказался на втором этаже в жилой комнате, или то, что она оказалась в панталонах перед моим восхищенным взглядом. В любом случае, бежать пришлось быстро.

На улицах я обнаружил старую Москву! О, как возбуждающе было ходить по этим одинаково знакомым и незнакомым местам! Я гулял до следующего утра. Нет-нет, не спрашивайте, где я ночевал, Дмитрий. Так вот, я гулял, пока не понял: что-то меня смущает. Смущало меня отсутствие газет. Тогда я вспомнил, что не было журналистики в России в те дни! Я не удержался, я не смог! Я не только изобретатель, я – журналист!

Пришлось выкрасть перо и бумаги. Не смотрите так осуждающе, Густав, другого выхода не было. Я не мог лишиться людей информации! Я стал писать стихи на листовках и прибавлять их к столбам! Почему стихи? У меня не было времени на посещение балов и разговоров о событиях в стране! Я прибавлял и прибавлял листовки, пока меня не схватили...

Через пару часов я предстал перед царем сея Руси. Да нет же, Дмитрий, императором он стал намного позже, не перебивайте. Итак, я был немного побит и испачкан, но гордость изобретателя и журналиста заставляла мои глаза сиять. Меня буквально втолкнули в покои государя, но сначала он даже внимания не обратил...

– Европа! Как бы мне так сделать, чтобы Русь моя родная с тобой сравнялась, – задумчиво произнес Петр I и, скатав

карту в рулон, засунул ее за пазуху, – Сравнялась, а потом – и превзошла!

Царь в задумчивости мерил комнату шагами, не обращая на меня и стражников внимания.

– Бороды я им отрубил, длинные рукава срезал. Новый год перенес, а что толку! Как были неучами ленивыми, так и остались! – с этими словами он уперся взглядом в стражников. На минуту мне показалось, что он им карту эту скатанную... ну показалось, слава Господу.

– Чего вам?!

– Вот. Глупости всякие на листках писал и по столбам прибивал, – ответил один из стражников и потащил меня за шиворот вверх, – Называет себя как-то странно.

Я не позволил им самоуправствовать и гордо вскочил на ноги.

– И ничего странного, великий царь! Журналист я! Журна-лист.

– Журналист, говоришь? Точно! Журналистов мне только не хватало!

– Что, казнить его? – странные у них тогда порядки были, у стражников.

– Зачем же казнить?! Пускай на благо родины трудится! – Петр I говорит, а у меня как от сердца отлегло, – Будем с тобой, журналист, народ просвещать. Газету сделаем для всех!

– Для всех? А как же назовем, газету? – растерялся я.

– А так назовем, чтобы даже глупому понятно было, про

что газета. И запоминалось чтоб. Пиши, давай.

Я сбивчиво достал из кармана листок и карандаш: волновался.

– Ведомости... – медленно, с расстановкой продиктовал царь, – Ведомости о военных и иных делах, достойных знания и памяти, случившихся в Московском государстве и в иных окрестных странах!

Я записал и понял, что если бы не моя машина времени, не бывать журналистики на нашей земле!

Не хмыкай, Якоб, радовался я не долго. Заставили меня работать день и ночь. Пришлось срочно сбегать. Вот только еще плохо управлял машиной времени. Хотел в сегодня попасть, да перекрутил чуток...

29 мая 1769 года я оказался в Санкт-Петербурге. Вот только осознал свою промашку я не сразу. Думал, только месяц перепутал – оказался в зеленых кустах, ободрав себе все что можно. А в декабре, как известно, кусты не зеленеют.

Не успел я выбраться из кустов, как услышал недовольное мяуканье в три кошачьих голоса. «Откуда здесь столько кошек?», удивился я, оглядываясь вокруг. То, что я увидел, отвлекло мое внимание от всех представителей рода «крысоловителей». Передо мной был Зимний Дворец! Бросьте свои усмешки, Дмитрий. Он был совершенно другим: огромный,

высоченный дворец в желтоватых тонах, на месте той, изви-
няюсь, развалюхи, которую мы можем наблюдать сейчас. Вы
не представляете, как этот факт взбудоражил меня! Энтузи-
азм заставил мои ноги бежать вперед, к прекрасному зда-
нию, а точнее – к прекрасному открытому окну, манящему
своей открытостью.

Нет, дорогие друзья, я не мог думать ни о чем, кроме
чистоты эксперимента, влезая в императорские палаты! Да
и кусты, в которых я оказался, были зелеными, а дворец –
Зимним. Эта мысль подталкивала меня по пути в юго-во-
сточную часть здания. Но как же я был удивлен, внезап-
но столкнувшись со статной пышнотелой дамой, при входе
в чью-то спальню. Как оказалась, спальня принадлежала Са-
мой императрице. Хуже было то, что дама, на которую я на-
летел в порыве исследовательской экзальтации, была хозяй-
кой комнаты – Самодержицей Всероссийской.

О, как же я был напуган и восхищен! Переводя взгляд
от сияющего белизной декольте, затянутого тугим серебри-
стым корсетом, к сверкающим яростью глазам, я ждал, что
она закричит. Но нет, это вам не владелица лавочки в панта-
лонах, но владычица империи целой!

– Как вы посмели нарушить покой моей опочивальни, су-
масшедший стервец! Словно вор подкрались к самой Екате-
рине Великой! – дама опустилась в кресло со всей грацией,
свойственной только ей одной.

Я замер, не зная, что ответить. Внезапно Екатерина пред-

ложила мне зайти в комнату и прикрыть дверь. Присев в кресло напротив, я сделал попытку представиться, но императрица перебила меня.

– Я знаю, кто вы. Сын Михаила Ломоносова, не так ли? Ах, смерть великого ученого поразит кого угодно... Пришли поблагодарить за ту честь, которой я удостоила вашего батюшку перед кончиной?

От таких признаний я растерялся еще больше. Но научный интерес поборол страх узнать свое будущее.

– Простите покорно, – извинился я, – Василий Ломоносов, в честь дедушки. Я хотел бы узнать о бумагах отца, о судьбе его работ.

– Ох, ну зачем вам это, – внезапно покраснелась Екатерина, – Мы с вами почти ровесники, а вы безрассудны, словно юноша! Влезли во дворец через окно, нашли мою опочивальню... Да-да, я видела вас и ждала. Неужели все из-за бумаг отца?

– Я не видел его годами, не смог встретиться и на смертном одре... Хотелось хоть как-то прикоснуться к его деятельности. Помню, он писал оду...

Внезапно Екатерина встала. Ее орлиный взор пронзил мое сердце, заставив вжаться глубже в кресло.

– Помню-помню. Ода Елизавете. Еще через ее любовника передавал, через Ивана Шувалова! – кажется, Екатерине ода не понравилась.

Не стоит вскакивать, граф Разумовский! Кстати, откуда

вы здесь вообще? Ах, благодарность за оду? Ну, да – ну, да. Не беспокойтесь, я так и сказал императрице, что она Шувалова с вами перепутала. Ой, простите за резкость...

Но не будем об этом! В тот момент меня подстерегала величайшая опасность, о которой я и не подозревал. Императрица вдруг решила, что раз отец любил Елизавету, то сын обязан полюбить Екатерину. Я отбивался, как мог, но эта властная женщина заставила меня...

Да что вы улыбаетесь, Дмитрий! Екатерина Великая заставила писать ей чертову оду! Глядя на ее точеный образ, я понял – одой дело не кончится. Пришлось срочно бежать через окно, пока владычица удалилась в будуар. Ну и что, пусть третий этаж! Честь журналиста и ученого дороже! Вот только кто меня тащил крутить шестеренки машины времени дальше, в будущее...

Внезапно в комнату вошла Елизавета, прервав этот будоражащий своей неправдоподобностью рассказ.

– Скажи ка мне, Михайло, какую-такую Екатерину ты там вместо меня полюбил, а? – взгляд жены Ломоносова казался страшнее того, который он описывал минуту назад.

– Лизонька, так не о тебе речь шла – об императрице!

– Что, как профессором стал, решил себе у императриц фавору заполучить? – Лизаньку аж перекосило слегка, – Зна-

чит так. Я вижу, все уже изрядно пьяны. Маменька учила меня, что мужчина после бутылки красного может превратиться в животное. Как вижу ты, Миша, из ученого-журналиста превращаешься в писаку-фантазера! Так что прошу завершить сегодняшний вечер и отложить вашу прекраснейшую беседу о Великих мира сего до более благоприятного дня.

Елизавета вышла, а мы все как-то потупились и собрались расходиться. Не удержавшись, я подошел к другу.

– Михаил, вот скажи. Это все – правда? Или жена твоя права насчет писак?

– Эх, Дмитрий. Правда. И жена права. В ХХI веке все в Интернет перешли, а там – полно писак. Каждый второй – журналист. Да и несогласных не в Сибирь ссылают, а в больницу... Хотя это в 1921 было...

Я не понял ни слова. Собрался уходить и уже надел пальто, как Михаил Ломоносов что-то сунул мне в карман.

– Дома разберешься, – прошептал «да Винчи» сия Руси.

Прогуливаясь по Невскому, я задумался, что же все это значило, и услышу ли я когда-нибудь вторую часть истории. В кармане лежал странный квадратный прибор, с кнопками и длинными резиновыми шнурками. Может он раскроет мне тайну Машины Времени...

Андрей Кудряшов

Слесарь и Гинеколог или История о том, как я познакомился со своей женой

Встреча произошла случайно, благодаря моему коллеге: в тот день он не вышел на работу, и мне пришлось обслуживать его участок. Вот тогда в мало мне знакомом переулке и столкнулись мы – два добрых, школьных приятеля. Стоим, и молча разглядываем друг друга, лет пятнадцать не виделись, развела нас жизнь после армии в разные стороны. Сколько было исхожено дорог, истоптано ботинок. И вот, по велению судьбы, перехлестнулись наши тропинки.

– Оська!

– Санька!

Обнялись, как полагается, похлопали по крепким плечам, заглянули в глаза. У обоих рот до ушей от радости.

– Сколько лет!

– Сколько зим!

Каждому хотелось узнать как можно больше о старом товарище. Интересно, как прошла его жизнь, сбылись ли юности мечты, о коих грезили под звёздным покрывалом. Сразу

возникло множество вопросов, на которые так сразу двумя словами и не ответишь, да и как тут стоя на улице, мешая прохожим, можно нормально поговорить.

Оська сегодня отдыхал и направлялся в это время к своей знакомой, но ради встречи готов был пожертвовать свиданием. Я же забыл про работу, о том что меня ждут, а когда вспомнил, было уже поздно. Денёк, – думал я, – потерпят, не впервой.

Уголок нашли подходящий для воспоминаний и мыслей философских, без этого нам мужикам ну никак нельзя. Заказали всё, что полагается в данной ситуации, разместились с комфортом. Выпили. Закусили. Закурили.

– Это ж надо, столько лет, не виделись? Ты институт-то кончил? Мне помниться в медицинский метил, по стопам предков. – Стал расспрашивать его и по ходу рассказал свою историю: о том, как я имея высшее образование, по прихоти судьбы работаю слесарем – сантехником в нашем ЖЕKe. По молодости и житейской неопытности, волею молодой супруги возжелавшей ходить в «русских соболях», оказался на Севере, где окромя «рогов» ничего не приобрёл. В погоне за длинным рублём истоптал пол Сибири, на строительстве газо-нефтепроводов, и как в песне поётся – «а молодая жена честь недолго берегла» – от этого и холостую который уж год. На женщин – ноль внимания! Даже как-то бояться их стал. Все они для меня на одно лицо. Все на мою бывшую жену похожи.

– Ничего с собой поделать не могу. Ну, хоть убей! Вроде мужик я здоровый, сам видишь. Никаких отклонений за собой не чувствую. Иной раз едешь в автобусе, а тебя так припрёт, на красотку глядячи, с сидения встать не могу. Лишние остановки проезжаю, чтоб остыть. Потом возвращаться приходится, тоже на автобусе, – по сторонам уж и не гляжу, боюсь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.